

Переводы и публикации

Роман Светлов

А.Н. Егунов о переводе платоновского диалога «Пир»^{*}

ROMAN SVETLOV

A.N. EGUNOV AS A TRANSLATOR OF PLATO'S *SYMPOSIUM*

ABSTRACT. A.N. Egunov, an outstanding Russian scholar and translator, left behind an archive containing as yet unpublished materials, letters, and notes. We continue to publish those of them that relate to his work as a translator and editor of translations of Plato's dialogues included in the book of Plato's *Selected Dialogues* (1965). With the kind permission of V.V. Somsikov and I.V. Somsikova, owners of the archive, we publish here a fragment from these notes. This fragment contains A.N. Egunov's editorial remarks dealing with the manuscript of the Russian translation of Plato's *Symposium* by S.K. Apt. A.N. Egunov's critical remarks demonstrate the competition of different approaches to the reading and translating of ancient philosophical and literary texts that were taking shape in Soviet classical scholarship in the 1960s.

KEYWORDS: A.N. Egunov, Plato's *Symposium*, principles of translation from classical languages.

Мы продолжаем публиковать материалы из архива Андрея Николаевича Егунова, начатые в прошлом году в журналах «Платоновские исследования» и «Вестник РХГА» и продолженные в 2023 году в журнале ΣΧΟΛΗ (*Schole*)¹. Пользуясь случаем, еще

© Р.В. Светлов (Калининград). rsvetlov@kantiana.ru. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 19.2 (2023) DOI: 10.25985/PI.19.2.11

^{*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>.

¹ См. Светлов, Минак 2022; Светлов 2022; Светлов, Шмонин 2023.

раз приносим благодарность Вадиму Валерьевичу и Ирине Валентиновне Сомиковым, которые сохранили этот архив и позволили нам работать с ним и опубликовать отдельные его материалы. В описи архива под номером 10 значатся «Заметки по поводу переводов Платона (в книге Платон. «Избранные диалоги», М., изд. «Худ. Литература», 1965 г., ред. С.А. Ошеров, С. Маркиш²)». Это машинопись с правкой, внесенной туда от руки. Греческие, латинские, немецкие слова и выражения также вписаны от руки. На первой странице рукописи имеется надпись: «Неизданная фактическая статья».

Данный текст является важным документом, показывающим то, как готовился том «Избранных диалогов» Платона в издательстве «Художественная литература» (1965), который стал прообразом будущего полного издания сочинений великого античного философа в серии «Философское наследие» (1969–1972). После выхода «Теэтета» в переводе В.К. Сержникова (1936), последнего издания платоновских текстов к тому моменту в СССР, прошло три десятилетия. При подготовке «Избранных диалогов» возник вопрос о том, какими из имеющихся уже переводов имеет смысл воспользоваться для сборника, выходявшего в издательстве, ориентированном не на академического читателя, а какие тексты перевести заново.

Мы уже публиковали размышления А.Н. Егунова, научного редактора этого тома, о переводах «Протагора», а также о качестве имеющихся переводов «Пира». Андрей Николаевич настаивал на необходимости появления нового перевода «Пира», желательно сделанного кем-то из молодых переводчиков, и даже предлагал в качестве примера собственный перевод речи Павсания³.

² Ср. Асмус, Егунов 1965. Согласно выходным данным книги, издание осуществлено «под общей редакцией» С.К. Апта (1921–2010), М.Е. Грабарь-Пассек (1893–1975), Ф.А. Петровского (1890–1978), А.А. Тахо-Годи (1922–) и С.В. Шервинского (1892–1991); В.Ф. Асмусу атрибутированы «составление, вступительная статья и комментарии»; А.Н. Егунов (1895–1968) назван «редактором переводов», С.А. Ошеров (1931–1983) — просто «редактором»; С.П. Маркиш (1931–2003) отмечен как автор лишь одного из переводов, а именно «Федона».

³ См. Светлов, Шмонин 2023.

В итоге в том вошел «Пир» в исполнении Соломона Константиновича Апта (1921–2010), замечательного отечественного переводчика с древнегреческого и немецкого языков. «Его» Томасом Манном, Францем Кафкой зачитывалось несколько поколений, и до настоящего времени переводы С.К. Апта являются классикой. Платоновский «Пир» С.К. Апта, впервые появившийся в 1965 году, а затем ставший частью классического четырехтомника, всегда активно читался студентами, зачастую именно с этого текста начинавших изучение наследия Платона.

Публикуемая ниже часть заметок А.Н. Егунова к переводу «Пира» (точнее, к первоначальной его версии) показывает, что подготовка этого текста оказалась делом трудным и противоречивым. Ряд резких суждений А.Н. Егунова явно не предназначались для посторонних глаз. Своими опасениями и критическими замечаниями А.Н. Егунов делился с друзьями, общавшимися с ним в его знаменитой «квартире на Весельной» в середине 1960-х годов⁴.

Публикуемые заметки еще раз демонстрируют базовый методический принцип А.Н. Егунова, которым он руководствовался в процессе переводческой и редакторской работы: речь персонажей должна соответствовать их образованности и социальному статусу. Непосредственность и разговорность языка общения в «Пире» нельзя подчеркивать любой ценой, в том числе путем снижения текста до уровня просторечия и/или жаргона. И если какие-то выражения при буквальном переводе кажутся несущими на себе следы просторечия, например по причине изменившегося культурного горизонта, их следует переводить не буквально, но с использованием современных литературных форм.

Впрочем, и в отношении последнего требования А.Н. Егунов делает ряд важных уточнений. Так, мы должны не уходить от античной культурной и бытовой семантики, особенно во фразеологизмы, которые ведут происхождение из более поздних эпох (см. его обсуждение выражений «говоря по чести», «отпустить с миром» и т.д.). Неприемлема и архаизация — вместо придания тексту очарования древности, она делает его надуманно-

⁴ См. Гаврилов 1998: 671.

вычурным, так как персонажи Платона говорили вполне современным для их времени языком. В качестве приложения к замечаниям А.Н. Егунова публикуем зачин «Пира», переведенный им в качестве образца (с. 27 рукописи).

Здесь уместно вспомнить слова В.Н. Карпова из введения к его собственному переводу «Пира»:

Все учейшие критики древней греческой литературы единодушно соглашаются, что *Пир* или *Симпосион* Платона надобно почитать превосходнейшим памятником эллинского красноречия и философствующего ума (...) читая *Симпосион* Платона, как будто видишь пред собою сценическое представление⁵.

Такой подход, как представляется, вполне соответствует идеалу А.Н. Егунова. Вместе с тем мы видим попытки передать текст Платона более «карнавальным» языком. Это заметно в переводе И.Д. Городецкого (1908)⁶. Не так давно появился перевод А.В. Маркова, который в предисловии к нему написал:

Такие разговоры всегда перемежают серьезные наблюдения шутками, анекдотами и грубостями, «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне» — как ни странно, в этой четырехчастной строчке законспектирован весь «Пир»⁷.

Там же А.В. Марков отмечает, что, наряду с другими «авторитетами», он пользовался «некоторыми наблюдениями М.М. Бахтина о строении карнавальной культуры»⁸. Подобный решительный подход уважаемого коллеги к переводу «Пира» вызвал неоднозначную реакцию⁹. Однако он высветил важную проблему: «сценическое представление», о котором писал Карпов, — это не просто речевой оборот.

«Пир» потому и считался одним из образцов античного литературного языка, что в нем присутствует сразу несколько вариантов литературного (ораторского) стиля: каждая из речей об

⁵ Карпов 1863: 119.

⁶ См. Городецкий 1908.

⁷ Марков 2019: 7.

⁸ Марков 2019: 10.

⁹ Ср. Гараджа, Протопопова 2019.

Эросе достаточно своеобразна. Явные эротические (практически весь диалог), юмористические (казус Аристодема), порой шутовские (поведение Аристофана), вакхические (Алкивиад), мистериальные контексты и подтексты этого диалога настолько разнообразны, что наличие в нем «карнавальных» элементов не требует доказательств. Как и факт влияния на творчество Платона греческого театра: не только трагедии, но и наиболее карнавальных жанров — сатировой драмы и комедии. Отметим, что «Пир» — наиболее часто появляющийся на театральных подмостках (и даже экранизируемый) диалог Платона. А недавно А. Золотухина написала и издала либретто, основанное на этом тексте¹⁰.

С.К. Апт, как думается, понимал это довольно хорошо. Переводы классиков немецкой литературы, весомый опыт которых у него уже имелся, также побуждали смотреть на античный текст как на сложный и гетерогенный объект. Напомним, что в 1963 году публикуется важнейший труд гениального теоретика карнавальной культуры М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского»; его же «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» выйдет, правда, лишь в 1965 году — тогда же, когда и «Избранные диалоги» Платона. Но можно предположить, что идея витала в воздухе, и ничего удивительного, если С.К. Апт двигался в том же направлении.

К тому же он нашел подтверждение подобной манере создания, а значит и перевода текста, в романах Томаса Манна. Вот что С.К. Апт писал об иронии в «Иосифе и его братьях», наиболее значительном тексте Т. Манна, который он переводил:

Ирония — художественный прием, который устанавливает дистанцию между материалом и автором, соответствующую объективно неизбежной дистанции между действительностью и мечтой, и, следовательно, служит утверждению идеала¹¹.

Попытками внести элементы «остранения» в перевод «Пира», вероятно, вызван ряд замечаний А.Н. Егунова, касающихся сти-

¹⁰ Золотухина 2022.

¹¹ Апт 1970: 138.

листки работы С.К. Апта. Сейчас уже трудно судить, насколько эта манера дала бы нам иное прочтение «Пира», если бы она была воплощена во всей своей полноте. Вероятно, критику А.Н. Егунова вызвала даже не сама попытка передать «остранение» в тексте Платона через использование языковых средств, которые с точки зрения литературной строгости опосредованно соответствовали греческому оригиналу, а неполнота воплощения этого принципа. Но о многих деталях произошедшего сейчас судить уже поздно. Отметим, что читатель, который сравнит публикуемые ниже замечания с итоговым (опубликованным в 1965 году) переводом, обнаружит, что значительное их число было внесено в текст.

Интересно, что С.К. Апт, к тому времени уже сосредоточившийся на переводах немецких авторов, после «Пира» не возвращался (насколько нам известно) к переводам античных источников, хотя в 1950-х занимался ими довольно плодотворно и успешно. Вот что он сам писал о своем выборе в пользу немецкой литературы:

После первых переводов из современных немецких авторов античные тексты как-то вдруг утратили для меня притягательность, проза во всяком случае. Стихи (античные комедии и трагедии написаны стихами) еще могли меня привлечь поисками формальных решений, но в прозе (исключением был разве что Платон) мне не хватало воздуха, если назвать воздухом то, что связывает произведение, которое ты переводишь, с твоей собственной жизнью, с сегодняшним днем¹².

Насколько на этот поворот в творчестве С.К. Апта повлияла подготовка издания «Избранных диалогов» Платона, сейчас уже сказать трудно.

Орфография, пунктуация и оформление авторского текста минимально нормализованы, подчеркивание заменено курсивом. Постраничные сноски расширены пояснениями издателя.

¹² Апт 2000: 313.

«Пир» Платона в переводе С. Апта

I

Переводчик недостаточно внимателен к греческому тексту. Так, например:

- 1) 173а (стр. 2 машинописи) ἡ ὁτοιοῦν оставлено переводчиком без внимания.
- 2) 174а (стр. 4) ὅτι citativum, а не косвенная речь.
- 3) 175а (стр. 6) то же самое.
- 4) 177с (стр. 9) τοῦτῳ ἔρανον относится к Федру, а не к Эроту.
- 5) 178а (стр. 10) ἐν τοῖς при Superlativ'e, редкое грамматическое явление не понято переводчиком.
- 6) 178с (стр. 10) то же самое.
- 7) 179с (стр. 11) ἀποδειῖξιαι ошибочно переведено, «кажутся», что меняет смысл.
- 8) 182а (стр. 15) Отрицание οὐ надо отнести к κοσμίως, а не к глаголу. Смысл искажен.
- 9) 196d (стр. 33) Спутано кратῶν и κρείττων.
- 10) 201е (стр. 41) κατὰ τὸν ἐμὸν λόγον — κατὰ cum Accusativo а не cum Gen., как переводит наш переводчик — ошибка против самых элементарных правил грамматики.

Все эти мелкие недочеты, недосмотры и ошибки, хотя и крайне досадны, но все же легко поддаются исправлению. Хуже обстоит дело с русским языком данного перевода.

II

Отложим в сторону подлинник и станем в положение читателя, которому подлинник недоступен (а ведь для такого читателя и делается перевод) и который впервые знакомится с Платоном по данному переводу. В каком же виде предстанет перед таким читателем прославленный диалог Платона? На первой же странице, 4-я строка сверху, читателя поражает выражение «Фалера тебе в бок», что для русского уха звучит как «холера тебе в бок»¹; читатель сразу приходит к выводу, что, видно, и в древней Греции

¹ Мы не знаем, на каком ученом толковании основывался переводчик, переводя именно так. Ср. переданную мною в изд-во заметку для комментатора этого диалога.

была своего рода «шпана». На той же, первой, странице читатель встречается такие слова, как

«осведомитель» (?), «впрямь», «дотоле».

После этого читатель, вероятно, бросит читать дальше — переводчик сумел отпугнуть его от Платона.

III

Пестрота слога, лексический разнобой — характерная черта не только первой страницы, но и всего данного перевода в целом. Еще хуже, однако, то, что в переводе встречаются прямые ошибки против русского языка, свидетельствующие, что с русским языком наш переводчик явно не в ладах.

По-русски не говорят о человеке, что у него мясо, разве лишь в шутку. Между тем у нашего переводчика мы читаем:

«в человеке все обновляется: волосы, *мясо*, кости» (стр. 50).

Вот несколько примеров нарушения норм русского языка:

«затаить дыхание» — в современном русском языке это выражение употребляется в переносном смысле: «слушать, затаив дыхание, т.е. с повышенным интересом. А для прекращения икоты, как сказано у нашего переводчика на стр. 19, это выражение неприменимо. Там же, несколько далее, у нашего переводчика: «допёк ее (икоту) чиханьем».

«тебе не дадут проходу» (стр. 16) означает по-русски или «над тобой будут смеяться» или же «ты будешь привлекать внимание, к тебе будут приставать, ты будешь иметь успех». А переводчик употребляет это выражение в смысле «тебя будут отчитывать, обвинять».

«пьем, сколько кот наплакал» — по-русски можно сказать только в таком роде: «в чашке осталось, сколько кот наплакал»².

«раскрывался без дураков (?)» (стр. 62).

«боги *спровадили* Орфея из (sic) Аида» (13).

«у них язык *плохо* (sic) подвешен» (15).

² Тут невольно вспоминается тот тургеневский персонаж («Новь», II.25), который щеголял пословицами: «знай кулик свой шесток» или «красна изба углами».

«на (sic) любви собаку съели (153b)³.

Приведенных примеров уже достаточно, чтобы сказать, что, появившись данный перевод в печати, мы все, т.е. и представители издательства, и редактор, пропустив подобный курьезный перевод, были бы скомпрометированы, так как этот превосходный материал для фельетона в «Литературной газете» или в каком-нибудь журнале.

IV

Ошибками против русского языка являются и такие выражения:

«мы найдем и встретим соответствующий *себе* предмет любви» (стр. 29).

Предмет любви должен здесь соответствовать не себе, а нам. На той же странице менее резко, но все же неверно:

«каждый найдет соответствующей *себе* (надо: ему) предмет любви».

Не различает наш переводчик и различия между «кто-то» и «кто-нибудь». Так, у него встречается такое выражение:

«что же было бы, если бы кому-то довелось увидеть высшую красоту» (стр. 54а; надо, конечно, «кому-нибудь»).

Хромает у него иногда и синтаксис: «...а это не что иное как встретить» (29). Или:

«перечислить все твои странности, да еще в таком состоянии» (59); чьи странности в таком состоянии? Сократа? На самом деле Алкивиад говорит здесь о себе.

V

Не различает наш переводчик и оттенков значения русских слов. Так, «уверить» (оттенок ложности) он употребляет в смысле «убедить» (стр. 55).

³ Так как невозможно допустить, чтобы лицо с литературоведческим образованием могло сказать такую вещь всерьез, подозреваю, что переводчик здесь подшутил над нами, читателями. Но литературные шалости неуместны в серьезной работе.

«Наудалую» (стр. 37) там, где надо «наудачу».

«Сборище» имеет по-русски отрицательно-презрительный оттенок, но у нашего переводчика это не так: по его мнению, собравшиеся на пир — это сборище» (стр. 4), и Федр у него, желая сказать, что Эрос способствует общению людей, выражает эту мысль так:

«он потворствует (sic) всяким сборищам (sic) (стр. 35)⁴.

Слово «юнец» (если уж его вводить в литературный язык) имеет снисходительно-презрительный оттенок, а переводчик употребляет его нейтрально (стр. 10). Напротив, «малыш» — слово ласкательное, а у него означает вообще малолетних, подростков (стр. 14).

VI

Встретив в тексте перевода такие формы, как «положенье» (вместо «положение»), «отношенье» (вместо «отношение»), я сперва думал, что это опечатки машинистки. Но оказалось, что на всех 70 страницах перевода везде так: порицанье, поведенье, зренье, безобразье, самообладанье и т.п., что не соответствует русской орфоэпии и, очевидно, отражает индивидуальную особенность произношения переводчика. Правда, зато вместо «уменья» у него «умение».

VII

Переводя древнегреческий литературный памятник, переводчик ошибочно считает возможным употреблять выражения, проникшие в русский язык из чуждых античности культурно-исторических формаций. Так, «говоря по чести» (стр. 7) относится к западноевропейскому, рыцарскому лексикону. «Отпустить с миром» (флейтистку, стр. 8) — к библейскому. Вышеприведенное выражение «у них (у беотийцев) язык плохо подвешен» (вообще оши-

⁴ Читатели в свое время недоумевали, почему это Томас Манн, если верить нашему переводчику, обозвал так свои аудитории: «...поездка была богата встречами, сборищами и деятельностью» (Томас Манн. Собр. соч., т. IX, М., 1960, стр. 202). За 4 года (1960–1964) у нашего переводчика несколько не прогрессировало понимание слова «сборище».

бочное, так как по-русски можно сказать только «хорошо подвешен») обязано своим происхождением церковным колоколам (язык в колоколе). В оригинально-русском произведении подобные выражения, правда, употребляются в их стертом значении, но в переводном, относящимся к античности, они невольно освежаются (благодаря несвойственному им контексту) и получается культурно-исторический языковой анахронизм⁵.

Точно так же вместо стертого значения приобретает свой буквальный смысл и слово «вторить», когда речь идет о пении (стр. 35). «Вторить» означает петь в известном интервале, например в терцию, по отношению к основному голосу. Обычно принято считать, что древние греки этого не знали, их пение было в унисон.

Опасно употреблять и такое, опять-таки стертое в наши дни выражение, как «бросить на произвол судьбы» (стр. 11), потому что читатель может понять, будто здесь выражено греческое представление о судьбе.

VIII

Особое пристрастие переводчик питает к фольклорно-русским, частью устаревшим, частью относящимся к просторечью выражениям и присловьям.

Так, у него мы встречаем:

охочи (27), чая (66), веки вечные (52), распрекрасный (45), вино лилось рекой (70), питейная часть застолья (7), пока суд да дело (7), поучить уму-разуму (18), а на нет и суда нет (37), рачительная любовь (51), двуснастный (24), не ударит лицом в грязь (35), масть к масти подбирается (32), касаясь всей своей статью (32), за мной дело не станет (53) и т.п.

Ничего подобного в подлиннике нет: так, например, то, что у переводчика передано как «не ударит лицом в грязь», оказывается просто $\epsilon\tilde{\upsilon} \ \acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota$ (35). Но если бы даже в подлиннике были народные присловья, поговорки и пословицы, их, как известно,

⁵ К этому можно добавить и выражение «принял за чистую монету» (58). Совершенно чуждо античности и пошлое выражение «сердца богов» (35).

надо с большой осторожностью заменять соответствующими (по смыслу) русскими⁶, так как этим можно невольно нарушить характер иноязычного литературного памятника и снизить его познавательное значение⁷. Наш переводчик воскрешает давно забракованные и сданные в архив приемы перевода⁸.

В самом деле, получается совершенная нелепость: те слои русского населения, где бытовали выражения вроде «охочи» и т.п. (очевидно, низшие слои старорежимной России), никак не могли возлежать на ложах и вести беседы об Эроте и Афродите. Не говорим уж о том, что у переводчика это носит совершенно маскарадный, псевдорусский характер, усугубляемый вдобавок кое-где вкрапленным словечком «мол» (36, 40, 45).

Все это плохо вяжется с архаизмами, допущенными нашим переводчиком: *ибо* (стр. 14, 51, 63 и др.), *ныне* (стр. 25, 29 и др.), *дотоле* (34 — уместно в стихотворной цитате, но неуместно на той же странице внизу). К архаизмам же относится и перевод *μουσική* как «*изящные искусства*» (стр. 34) — в наше время это выражение неупотребительно.

IX

Такие слова, как *наутек* (61), *невдомек* (41, 42)⁹, *боязно* (30), *осрамиться* (34), являются в данном переводе промежуточными между старинно-фольклорными и современным нам просторечием, которое представлено в изобилии:

штукарь (43), *выдумщики* (изобретатели 52), *клевали носом* (70), *удираю* (61, *δραπέτεῦ* только по звукам похоже на русское «удираю» но не по оттенку значения), *удирает* (17, в стихотворной ци-

⁶ Старая академическая шутка: *ὑλαῖκ Ἀθήναζε φέρειν* переводится «в Тулу со своим самоваром не ездят».

⁷ У нашего переводчика даже реквизит подвергся русификации: вместо античных котлов у него «стаканчики» (57).

⁸ В 1900 г. проф. И.И. Холодняк перевел «Пир Трималхиона», заставив древних римлян выражаться русскими присловьями, что вызвало тогда же резкое осуждение и филологов, и литературных критиков.

⁹ Любимое слово переводчика: так у него выражается и платоновская Диотима, жрица и пророчица, и (о самом себе) писатель Томас Манн (т. ix, стр. 209).

tate), болтал (беседовал, 62), не дав ему (Сократу) *пикнуть* (65), *книжонка* (9), если эти поэты (Гесиод и Парменид) *не врут* (32), *Пошли!* (= пойдём, 5).

Здесь уместно задать переводчику вопрос: в какой же социальной среде происходит действие диалога? «Пир» Платона приобретает у переводчика характер грубоватых жанровых сценок, словно действие происходит в каком-нибудь кабаке среди матросов, которые, по Платону, имели репутацию людей невоспитанных (Phaedr. 243c: ἀκούειν ἐν ναύταις που τεθραμμένων), а не среди избранного афинского общества, афинской элиты. Аристофан в гостях у Агафона говорит совсем не языком персонажей своих комедий. Подвыпивший Алкивиад выражается вполне литературно. Но переводчику до этого нет дела. У него Агафон поэт, автор трагедии, по характеристике Аристофана — изнеженный (Thesmoph. 52–58), по характеристике Аристотеля — тонко остроумный (Поэтика, 18, 1456: «вероятно, чтобы многое случалось и вопреки вероятию»), говорит таким языком:

«Ты хочешь *одурманить* меня, чтобы я *сбился с панталыку*» (стр. 30). Или: «...чтобы мне заразиться¹⁰ той мудрой мыслью, которая *осеяла* тебя в *сенях*» (стр. 6); наш переводчик, вероятно, и не заметил, какой здесь получается каламбур: «осеяла в сенях». Конечно, в подлиннике нет ничего подобного). Таким образом, в творческом претворении нашего переводчика «Пир» Платона — своего рода греческая аналогия к «Пиру Тримальхиона».

Х

Греческие слова συνουσία и χαρίζεσθαι не исчерпываются тем, хотя и верным, но слишком «прямолинейным» значением, которое придает им наш переводчик: *соитие*, *отдаваться*. По-гречески это слова более общего, широкого значения, своего рода эффемизм, а переводчик суживает, огрубляет их. Если его способ передавать эти понятия применить к иноязычным произведениям

¹⁰ «Заразиться» в данном контексте (Агафон хочет возлечь рядом с Сократом) приобретает особый смысл, почти медицинский. Лишнее повторять, что в подлиннике этого нет.

того времени, то там, где в подлиннике было бы «он ищет взаимности», в переводе оказалось бы «он хочет совокупляться».

То же самое и со словом *συνιϋναι* относительно животных: переводчик передает его слишком «зоологически», как «спаривание». Я совсем не стою за то, чтобы, вследствие своего рода «викторианизма», что-нибудь оказалось завуалированным в переводе, как это делали старинные переводчики «Пира», например такие поэты, как Расин и Шелли, но и обратное, то вот огрубление, как у нашего переводчика, также не соответствует подлиннику.

XI

Итак, на основании приведенных примеров можно сделать обоснованный вывод, что в данном переводе *речевая характеристика персонажей не соответствует ни их социальному положению, ни их образованности*. Разговорность языка Платона не означает бойкости речи во что бы то ни стало и любой ценой. Очевидно, по замыслу переводчика, цель Платона — потешать публику, а между тем эффект получается обратный — это только утомляет, как обычно бывает в случае неудачных острот и затянувшегося балагурства.

При неполном владении русским языком и полном отсутствии вкуса данный переводчик внушает читателю ложное представление о Платоне, который в таком адаптированном виде мало чем отличается от некоторых стихотворений Катутлла или от комедии Менандра — в передаче того же переводчика¹¹. Читателю данного перевода останется непонятным, почему это в книгах по истории литературы, кем бы и когда бы они ни были написаны, всегда говорится о Платоне как «о художнике слова», о том, «что у него чистейший аттический язык» и что «Пир» — одно из самих мастерских его произведений.

¹¹ Нельзя не отметить единство стиля в различных переводческих работах данного переводчика. Открываем Менандра, и в первых же строках (стр. 37) встречаем слово «смиловáвшись» (с таким ударением), неверно употребленное в значении «смилостивиться», как ясно из контекста. Народное же слово «миловаться» означает «любить» («миловались, целовались»), так что у нашего переводчика, собственно говоря, выходит, что старик «слюбился» с женой сына.

Хотелось бы знать, какими историко-литературными и культурно-историческими соображениями, опрокидывающими обычные представления, руководствовался переводчик в своей грубокомедийной, условно-простонародной передаче «Пира» Платона? Было ли это следствием определенной концепции? Была ли вообще какая-нибудь концепция? Читал ли наш переводчик до этого своего перевода что-нибудь из Платона и о Платоне? Считает ли переводчик, что в каждого крупного писателя надо, как говорится, войти, постараться его понять и освоить? Элементарность этих вопросов вызывается качеством данного перевода.

ХII

Но, скажут в защиту данного перевода, ведь вышеуказанные промахи все наперечет, допустим, их сотня или полторы на 70 страниц перевода, т.е. примерно по два промаха на страницу. Удалив или изменив их, мы получили бы удовлетворительный текст. Беда, однако, в том, что операция эта не механическая, указанные особенности вросли в языковую ткань перевода, а изменение одного слова иной раз влечет за собою изменение целой фразы, так что дело это очень осложняется.

Присмотримся, однако, и к тем местам перевода, где нет этих особенностей. Там, где наш переводчик перестает наконец щеголять своими словечками, он пользуется вялым, серым языком, далеким от всякой художественности и совершенно противоречащим характеру переводимого им произведения. Тут мы встречаем такие речевые штампы: что же касается (очень часто), наблюдается (25), иметь в виду (29, 48), безусловно (23), в данной обстановке (29), убедительным примером может служить (11), в неподходящей среде (49) и т.п. Словом, это те нежелательные *языковые навыки, с которыми борется в наши дни и школа, и газета*. В редакции какой газеты пропустят такое выражение, как «*ввиду собственной бедности*» (стр. 44)? В сочетании с чем-нибудь античным это особенно эффектно: «в среде богов» (34), или «*находится всегда в состоянии войны*» (Эрот! 33).

Всякая поэзия при этом исчезает, теряется все характерное. Иногда получается даже комично:

«Алкестиде захотелось умереть за Адмета» (51).

Общее снижение тона диалога — это своего рода модернизация в сторону серости, обыденности. При этом пропадают, в обход трудностей, также и риторические приемы, наблюдающиеся у Платона. Например, не передано $\text{πρᾶξις... ἐν τῇ πράξει}$ (180e–181a, стр. 15). Или (194e–195a, стр. 29) $\alphaἴτιον θεόν... αἴτιος$ передано «бога, дарующего нам это благо», что тоже банальный «красивый» штамп. Таких примеров можно привести много.

Особенно страдают при этом философские пассажи диалога. Например, 202a — ответственное место, касающееся платоновской гносеологии, на него нередко делаются ссылки в курсах истории греческой философии. Но наш переводчик не потрудился навести соответствующую справку и переводит это место сбивчиво и произвольно, не считаясь с установившейся терминологией: речь идет о *представлении* $\eta\ \delta\acute{\rho}\theta\eta\ \delta\acute{o}\xi\alpha$, $\tau\acute{o}\ \delta\acute{\rho}\theta\acute{\alpha}\ \delta\omicron\xi\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota\nu$, а не о *суждении*, как это дает переводчик (стр. 41), деформируя тем самым философскую систему Платона.

Но возьмем для объективности, чтобы избежать упрека в одностороннем подборе примеров, такое место из данного перевода, где, как говорится, все в порядке, и присмотримся к работе нашего переводчика. Оставим в нетронутом виде слово «целостность» — так переводчик передает затруднительное для перевода сочетание нескольких слов подлинника, и посмотрим, как он переводит дальнейшее, не представляющее уже никаких затруднений для передачи по-русски (в правом столбце даем, с вариантами, наш дословный перевод):

...целостность, к которой нам повелительно указывает дорогу Эрот.

Не следует идти против Эрота: идти против него — значит навлекать на себя ненависть богов (193b).

...в чем (поскольку) нам вожатый (руководитель) и военачальник — Эрот.

Пусть никто не поступает наперекор (вопреки) ему, поступает же наперекор тот, кто враждует с богами (или: враждебен богам; или: навлекает на себя ненависть богов).

Переводчик разложил понятие «вожатого» на глагольную конструкцию «повелительно указывает дорогу» (отметим здесь оттенок «красивого» слога) и, продолжая этот образ, два раза повторяет слово «итти». Во второй половине приведенного примера переводчик погрешает против смысла подлинника: там говорится, что наперекор Эроту действует тот, кто вообще находится во враждебных отношениях с богами, следовательно, и с Эротом. У нашего же переводчика выходит так: кто действует наперекор Эроту (причина), тот становится ненавистен богам (следствие). Это все же не совсем то.

Приведенный пример не из худших, его можно оставить и без исправления, такой перевод, как говорится, «сойдет» — но сойдет на «тройку», и даже с минусом. Вместе с тем этот пример показателен вот в каком отношении: наш переводчик беззаботно относится к стилистическим явлениям подлинника, ему безразличны здесь два определения Эрота, выраженные в подлиннике существительными, что звучит достаточно выразительно; безразлично ему и повелительное наклонение. Он передает «как бог на душу положит», в данном случае — гладко, значит «хорошо», то есть он идет по линии наименьшего сопротивления.

XIII

Создается впечатление, что наш переводчик работал по следующему методу: охватив мысленно содержание фразы подлинника, он затем выражал его не как лучше, а как ему удобнее, пренебрегая разными «несущественными», по его мнению, деталями. При этом *теряются очертания, конфигурация фразы подлинника*: переводчик, словно нарочно, передает фразу подлинника не так, как она разворачивается там, ставя это своей как бы задачей или считая, что в этом-то и состоит сноровка переводчика.

Мне на практике известны полномочия переводчика — и вставлять лишние слова, и не считаться с частями речи, и менять предложения и т.д., и т.д.¹², но все это при условии необходимости,

¹² Как тут не вспомнить старика Горация: *pictoribus atque poetis* (прибавим от себя: и переводчикам) *quidlibet audendi semper fuit aequa potestas — scimus, et*

когда иначе нельзя поступить из-за несоизмеримости языков¹³. У нашего переводчика нет бережного отношения к тексту. Он действует, очевидно, под флагом борьбы с буквализмом и поэтому сразу разрешает себе все, что угодно, и, не пытаясь приблизиться к подлиннику, начинает с отступлений. В результате весь его перевод — сплошное отступление.

За советское время техника переводческого дела — как в стихах, так и в прозе — настолько усовершенствовалась, что такие переводы, как данный перевод «Пира», с его резким несоответствием подлиннику, является ваши дни, к счастью, большой редкостью.

Платон уже 40 лет не появлялся на русском языке (за исключением диалога «Теэтет» в переводе В. Сержникова, 1936 года). Поэтому особенно ответственно выступать с ним перед новым, культурно подросшим, советским читателем. *Перевод С. Апта неверно передает общий тон и характер диалога «Пир», искажает слог и язык автора и поэтому должен быть признан совершенно неудовлетворительным.* Для приведения перевода С. Апта в мало-мальски сносный вид пришлось в порядке «редакторской правки» переменить до 3/4 текста его перевода.

XIV

Остается еще одно, уже последнее замечание.

hanc ueniam petimusque damusque uicissim. Но там же Гораций предостерегает от безвкусиц: *sed non ut placidis coeant immitia, non ut serpentes auibus geminentur, tigribus agni*, а как раз сочетание несочетаемого (суконный язык, расцвеченный фальшивыми блестками «народности») и делает данный перевод таким странным: *spectatum admissi, risum teneatis, amici?* (А.Н. Егунов цитирует *Ars poetica* Горация, строки 9–13 и далее 5. Предлагаем перевод этих строк, принадлежащий М.Л. Гаспарову: «[Мне возразят:] „Художникам, как и поэтам, / Издавна право дано дерзать на все, что угодно!“ / Знаю, и сам я беру и даю эту вольность охотно — / Только с умом, а не так, чтоб недоброе путалось с добрым, / Чтобы дружили с ягнятами львы, а со змеями пташки; Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха?» — *Прим. ред.*)

¹³ Состав нашей братии переводчиков наш переводчик пополнил еще и демонами, так на стр. 43 он уверяет, что «демоны — переводчики». Но это, очевидно, шутка с его стороны, так же как и выше, на стр. 4.

Возьмем следующее место на стр. 54а: «...если бы кому-то¹⁴ довелось увидеть высшую красоту... не обремененной человеческой¹⁵ плотью, человеческими красками и всякой другой смертной дребеденью¹⁶, если бы божественную эту красоту можно было увидеть воочию во всей ее самобытности». Читая это место, я обратил внимание на слово «самобытность». Так переводчик передал *μονοειδής* подлинника (211e). Тут впервые у меня мелькнула догадка, что между подлинником и данным переводом, быть может, имеется какое-нибудь посредствующее звено. Я справился в известном, в своем роде классическом немецком переводе Шлейермахера (начала XIX в.), и моя догадка подтвердилась: там было переведено «in seiner Eigenartigkeit», т.е. «в своем своеобразии». Стало быть, самобытность нашего переводчика оказалась не слишком самобытной. Начиная с этого места и до конца диалога, я, проверяя данный перевод, заглядывал порою и в перевод Шлейермахера и убедился, что он не сходил с письменного стола нашего переводчика. Этим, я думаю, объясняется, что наш переводчик заставляет трагического поэта кричать на пиру «Ура!» (стр. 69) — слово, кстати сказать, не существующее по-гречески: «Juchhe!» — так передано у Шлейермахера греческое *ιοῦ ἰοῦ* (223a).

Такое понимание данного места, однако, ошибочно. Вспомним описанную Платоном ситуацию: Агафону, по настоянию Сократа, надо переменить свое место на пиру, чтобы Сократ, в порядке условленной очереди, мог произнести в его честь похвальное слово. Поэтому Агафон покидает свое место рядом с Алкивиадом и *обращаясь к нему* полушутливо и чрезвычайно учтиво восклицает: «Увы, мне нельзя остаться». Ясно, что «ура» здесь не подходит и было бы в устах Агафона крайней невежливостью по отношению к Алкивиаду.

Другой пример: *εἰ τι ἄλλο ἢ τῆς οὐσίας* τῆς ἐμῆς δέοιο ἢ τῶν φίλων τῶν ἐμῶν — фраза, не представляющая затруднений для перевода,

¹⁴ На своеобразном языке переводчика это означает «кому-нибудь».

¹⁵ Здесь обременена красота, а не плоть, — пример неряшливости слога нашего переводчика.

¹⁶ «Смертная дребедень» (11) — комментарии здесь излишни.

почему-то ошибочно переведена: «как и во всем другом, *что зависит от меня* или от моих друзей». Ошибка эта объясняется тем, что при спешной работе (а перевод диалога носит следы спешки тем больше, чем ближе к концу) переводчик, в рассеянности, неверно передал это место у Шлейермахера: *was du irgend sonst von dem Meinigen oder von meinen Freunden brauchst* (перевод Шлейермахера правилен).

Ограничимся этими двумя примерами, хотя их могло бы быть и больше — в мою задачу не входит сличение данного перевода с другими переводами. Вообще говоря, нет ничего зазорного, если наряду с использованием словарями, комментированными изданиями и другими пособиями русский переводчик интересуется и иноязычными переводами данного произведения, тем более что хороший перевод есть, в сущности, реализованный комментарий, который может помочь в понимании трудных мест текста. Переводчик не строит свой перевод на голом месте — он должен учесть опыт своих предшественников, к ним надо отнестись критически. Кроме того, иноязычный перевод будет вреден, если русский переводчик уделяет ему больше внимания, чем подлиннику, и руководствуется его словесными решениями, т.е. когда посредник заслоняет собой подлинник и больше, чем подлинник, впечатляет русского переводчика.

Что больше впечатляло нашего переводчика — Платон или Шлейермахер, — это знает он сам.

А.Н. Егунов
Ноябрь 1964 г.

Симпосий (Пир)

Аполлодор и его друг

172a

Аполлодор. Мне кажется, что к вашим расспросам я уже подготовлен. Случилось мне позавчера идти в город из дому, из Фалера, а кто-то из моих знакомых, завидев меня сзади, окликнул издали, да еще и пошутил:

— Что за фалериец этот Аполлодор!¹⁷ Не подождешь ли?

Я остановился и подождал.

b — Аполлодор, — сказал он, — я недавно как раз искал тебя, мне хотелось расспросить о беседе¹⁸ у Агатона, Сократа, Алкивиада и остальных, кто тогда присутствовал на том их совместном обеде, то есть об их рассуждениях о любви — каковы они были? Один человек рассказывал мне о них со слов Фойника, сына Филиппа, и говорил, что тебе они тоже известны. Но он ничего не мог передать толком. Так вот ты и расскажи мне — тебе всего более пристало излагать рассуждения твоего друга¹⁹. Но прежде скажи мне, ты сам присутствовал при этой беседе или нет?

Я ответил:

c — Твой рассказчик, по-видимому, совсем ничего не рассказал тебе толком, если ты думаешь, будто эта беседа, о которой ты расспрашиваешь, происходила так недавно, что и я мог при²⁰ ней присутствовать

— Я в самом деле так думал, — признался он,

— С чего ж это ты²¹, Главкон! — сказал я, — Разве ты не знаешь, что Агатон уже много лет не приезжал сюда?

¹⁷ По созвучию слов *φαλαρεύς* (в греч. тексте *φαληρεύς* — прим. ред.) — фалериец, т.е. житель Фалера, *φάλαρος* — «с белыми пятнами», «глянцевитый» и *φαληρίς* — «птица-лысуха» в этой шутке намек на лысину Аполлодора.

¹⁸ «О беседе» добавлено позже. — Прим. ред.)

¹⁹ Т.е. Сократа.

²⁰ «При» — правка первоначального «на». — Прим. ред.)

²¹ «На полях карандашом обозначен вариант: «Да что ты». — Прим. ред.)

Литература

- Апт, С.К. (1970), “Двойное благословение (Заметки о стиле Томаса Манна)”, *Вопросы литературы* 1 (1970): 133–150.
- Апт, С.К. (2000), “О самом себе”, in Id. (пер.), *Кафка. Превращение: Рассказы, афоризмы*, 312–319. СПб.: Азбука-классика.
- Асмус, В.Ф.; Егунов, А.Н., ред. (1965), *Платон. Избранные диалоги*. М.: «Художественная литература».
- Гаврилов, А.К. (1998), “Журфиксы на Весельной”, *Тыняновский сборник* 10: 670–679.
- Гараджа А.В.; Протопопова, И.А. (2019), “«Что-то смешное на нас напало»: О новом переводе платоновского «Пира»”, *Философия. Журнал Высшей школы экономики* 3.1: 265–285.
- Городецкий, И.Д., пер. (1908), *Платон. Пир: Беседа о любви*. М.: Книгоиздательство «Дилетант».
- Золотухина, А. (2022), *Пир: Оперное либретто по мотивам одноименного диалога Платона*. СПб.: Амплитуда.
- Карпов, В.Н. (1863), “Пир. Введение”, in Id. (пер.), *Сочинения Платона*, 4.119–143. СПб.: В типография духовного журнала «Странник».
- Марков, А.В. (2019), “Пожелание всего доброго. О «Пире» Платона”, in Id. (пер.), *Платон. Пир*, 5–38. М.: РИПОЛ Классик; Панглосс.
- Светлов, Р.В. (2022), “«Исономия» и «безразличие»: о переводе А.Н. Егуновым описания «демократического человека» в VIII книге Платоновского «Государства»”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 23.4: 162–167.
- Светлов, Р.В.; Минак, В.С. (2022), “А.Н. Егунов как переводчик Платона”, *Платоновские исследования* 17.2: 199–218.
- Светлов, Р.В.; Шмонин, Д.В. (2023), “«Наметки» А.Н. Егунова к переводу Платоновского «Пира»”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 17.1: 367–375.
- Garadja A.; Protopopova I. (2019), “‘Something Funny Has Overtaken Us’: A New Translation of Plato’s *Symposium*”, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics* 3.1: 265–285. (In Russian.)
- Svetlov, R. (2022), “‘Isonomy’ and ‘Indifference’: About A.N. Egunov’s Translation of the Description of a ‘Democratic Man’ in the VIII Book of Plato’s *Republic*”, *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities* 23.4: 162–167. (In Russian.)
- Svetlov, R.; Minak, V. (2022), “A.N. Egunov as Plato’s Translator”, *Platonic Investigations* 17.2: 199–218. (In Russian.)
- Svetlov, R.; Shmonin, D. (2023), “A.N. Egunov’s ‘Outlines’ for the Translation of Plato’s *Symposium*”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 17.1: 367–375. (In Russian.)